

C18

Трубач Рэнди Бреккер — в интервью «Газете»

«Рок дал мне много красивых женщин»

В Москве состоится восьмой международный фестиваль «Триумф джаза». 14 и 16 февраля участники программы выступят в филиале «Le Club» на Чистых прудах (Уланский переулок, 16, стр. 1А). Основное же мероприятие пройдет 15 февраля в Доме музыки. Хедлайнеры фестиваля — ансамбль Soulbor Band, в состав которого входят яркие представители американской джазовой сцены: барабанщик Родни Холмс, басист Том Барни, гитарист Хайрам Буллоу, пианист Дэйв Кикоски, саксофонист Билл Эванс, трубач Рэнди Бреккер. Незадолго до фестиваля Бреккер согласился встретиться с Григорием Дурново. Разговор начался с воспоминаний о брате музыканта — выдающемся саксофонисте Майкле Бреккере, скончавшемся от лейкемии 13 января в возрасте 57 лет.

Вы много играли вместе с братом. Что вы можете рассказать об этом опыте?

Любовь и поддержка поклонников со всего мира помогала брату держаться на протяжении двух с половиной лет. Работа с ним вынуждала меня творить в соответствии с высочайшими стандартами мастерства — не то чтобы я мог достичь его уровня, но во всяком случае его присутствие и поведение заставляли меня стремиться к этому. Он был первым, кто стал сочетать стиль Джона Колтрейна и других джазовых саксофонистов с тем, что играли ритм-энд-блюзовые музыканты вроде Кинга Кертиса или Джуниора Уокера. Он изучал и любил са-

мые разные направления музыки, в том числе народной — от африканской до болгарской, и никогда не переставал стремиться к расширению своего музыкального словаря, границ собственного творчества. Все это плюс особый звук и сценический образ делало его невероятным, потрясающим музыкантом.

Вы играли со многими незаурядными музыкантами. Кто из них особенно сильно повлиял на вас и почему?

Хорас Силвер, Стиви Уандер, Пол Саймон и Фрэнк Заппа. Все по одной причине: они были жесткими лидерами, строившими звучание группы на своих собственных произведениях. Каждый из них был невероятно талантлив, но кроме того, они много работали, отдавая музыке все свое время.

Какие российские музыканты произвели на вас впечатление?

Их очень много, всех не перечислишь. Начну с великолепного Игоря Бутмана и его удивительного квартета. Это мои любимые партнеры в абсолютно любых обстоятельствах. Я стараюсь играть с ними всякий раз, когда могу. И не только в России: мы ездили в Турцию, в прошлом году играли в лондонском «Клубе Ронни Скотта». Следовало бы упомянуть и каждого участника биг-бэнда Бутмана — года два назад я был на замечательном концерте в Нью-Йорке, где они соревновались с оркестром Уинтона Марсалиса. Еще в Нью-Йорке я с удовольствием играл с выдающимся трубачом и композитором Александром Сипягиным, со столь же выдающимся контра-

басистом Борисом Козловым, с ними интересно. Кстати, они играли и с моим братом в его последнем ансамбле — Quintectet. Вообще, русские музыканты — не просто мастера своего дела, они оказываются среди лучших исполнителей в любом жанре.

Что вы скажете о российской публике?

Всякий раз не могу привыкнуть к энтузиазму российских зрителей. Мне начинает казаться, будто я «битл»!

Как образовался ваш ансамбль Soulbor Band? Почему вы решили его создать?

Я планировал летом 2003 года съездить в турне после выхода альбома «34th N Lex», изначально собирался выступать с саксофонистами Бобом Бергом и Ронни Кьюбером. С Бобом мы договаривались еще в декабре 2002 года, но через неделю после этого он погиб в аварии. Я уже думал отменить летнее турне, но как-то вечером мы с моим старым другом Биллом Эвансом стали вспоминать Боба, и Билл сказал, что тоже собирался летом в турне. И тогда мы решили объединить силы и выступать вместе. Название Soulbor придумал он. Мы позвали с собой тех, кого я собирался пригласить изначально, и турне получилось отличное — настолько, что мы с Биллом решили следующим летом вновь съездить в турне, уже с совсем новыми музыкантами. Потом мы попробовали менять состав каждый год, освежать его. Однако с составом 2004 года было так приятно работать, что в основе

мы его сохранили до сего дня. Мы по-прежнему часто вспоминаем Боба, он остался в наших сердцах, и наш ансамбль можно даже назвать Soulbob.

Мейнстрим по-прежнему плодотворное направление в американском джазе?

Да, мейнстрим в Америке жив и хорошо себя чувствует. Много-много талантливых молодых музыкантов, закончивших колледжи, играют бибоп. Еще недавно среди молодых музыкантов возродился интерес к фьюжну. Так

что интерес к разным формам джаза растет.

Что вам как музыканту дал рок? Много красивых женщин! Вообще рок для меня открыл новые горизонты в области композиции и звучания и показал, сколько людей хотят слушать живую, горячую музыку. Он дал мне понять, что я должен устраивать захватывающие шоу. И кстати, чем более захватывающим было шоу, тем больше женщин приходило к нам за кулисы. Веселое было время. **ГАЗЕТА**